

В душе у Вэнь Ле воцарился полнейший хаос. Настроение было хуже некуда. Он вяло крутил педали, медленно двигаясь на велосипеде в сторону дома.

Под светом уличных фонарей пожилые женщины выстроились в ровные ряды. Они танцевали не слишком синхронно: кто-то двигался грациозно, а кто-то — неуклюже и скованно. Неподдалёку за ними наблюдала пара — старик и старушка, держащиеся за руки. Старик в свободной руке сжимал прозрачный дорожный стакан с чаем и легонько притоптывал в такт музыке.

Вэнь Ле замер, заворожённо глядя на них. «Взяться за руки и вместе встретить старость» — как же он жаждал такой любви. Интересно, раз уж сейчас они выглядят так мирно, случилось ли им ссориться в молодости? Наверняка ведь и у них бывали яростные скандалы?

Он вспомнил, как в первый день Наньгун Хуэй не отходил от него ни на шаг. Как было бы чудесно — вот так проводить вместе каждый день!

Когда-то его привлекла в Наньгун Хуэе эта дерзость и властность, но когда они обернулись против него самого, всё оказалось далеко не так радужно.

Вэнь Ле разрывался на части. Да, Наньгун Хуэй обладал той твёрдостью характера, которая редко встречается в их кругах, но если эта твёрдость превращается в чрезмерный эгоцентризм и замашки «настоящего мачо», то он — далеко не лучший спутник жизни.

И всё же... Воспоминания нахлынули волной: их восхождение на Гору Цзыцзинь шаг за шагом, смущённое лицо Хуэя в кабине канатной дороги, его терпение, когда они вместе выбирали книги, их неспешные ночные прогулки и то, как они вдвоём распевали на улице «Тех, кто не идёт домой»... И, конечно, те моменты близости, когда Наньгун Хуэй удовлетворённо вздыхал и восторженно стонал...

Вэнь Ле так отчаянно хотел иметь свой угол. Теперь, когда он наконец снял квартиру и мечта о доме почти сбылась, стоит ли сомневаться?

Он устыдился собственного малодушия. Как говорил Сяо Жань, есть вещи, которые нужно делать сейчас, иначе потом шанса не будет. Мечта о доме была так близка — оставался всего шаг, чтобы коснуться её. Сегодня у Хуэя просто дела, соседи по комнате решили устроить ему проводы — значит, у него хорошие отношения с людьми, и в будущем ему будет проще пробиться в обществе. Стоит ли злиться из-за такой мелочи?

Попытавшись успокоить себя этими мыслями, Вэнь Ле глубоко выдохнул и купил по дороге большой арбуз. Мама наверняка опять примется ворчать, так что небольшое подношение будет нелишним.

Вечером он по привычке зашёл в игру, но всё казалось пресным и скучным. Он даже не ответил на сообщение ВБТ и сразу вышел.

Слова и поступки Наньгун Хуэя всё же больно задели его. Вэнь Ле выключил свет и долго ворочался, не в силах уснуть. «Неужели так называемая любовь не может выдержать даже таких мелких неурядиц?» — корил он себя, пока наконец не погрузился в тяжёлый сон.

На следующий день после работы Вэнь Ле заехал в новую квартиру и привез пару стаканчиков для чистки зубов, щетки, пасту, гель для душа и мочалку. Один стакан был нежно-голубым, другой — розовым. Щетки он подобрал в тон: полупрозрачную синюю и такую же розовую. Какую же оставить себе? Хм... Наверное, синюю. Говорят же: «мужчинам — красное, женщинам — зелёное», так что розовую отдаст Хуэю, раз тот так любит красный цвет. А синий сойдёт за зелёный, это будет его щётка. Вэнь Ле заботливо расставил их так, чтобы они соприкасались головками — так всё выглядело гораздо уютнее.

В квартире всё ещё не хватало пепельницы, мусорного ведра и... конечно, стиральной машины, телевизора, компьютера и интернета. Денег на всё сразу катастрофически не хватало, придётся подождать. Впрочем, насчёт стиральной машины можно дать объявление в сети — поддержанная тоже сойдётся на первое время.

Сяо Жань вернулся поздно. Дорога от Барабанной башни на 152-м автобусе всегда была забита пробками. Он вошёл только в половине седьмого, когда Вэнь Ле уже пора было спешить домой к ужину.

— Сяо Жань, я до Наньгун Хуэя так и не дозвонился, — сказал Вэнь Ле. — Хотел вчера отдать ему дубликат ключей. Позвони ему, если сможешь, скажи, что он уже может переезжать. Ты ведь сегодня никуда не уходишь?

Сяо Жань с улыбкой покачал головой:

— Да не переживай ты так! Твой муженёк мимо дома не промахнётся.

«А не случится ли между ними... чего-нибудь?» — вдруг мелькнула у Вэнь Ле тревожная мысль. Он не сможет жить здесь постоянно, а Сяо Жань и Наньгун Хуэй — два одиноких мужика под одной крышей, время и место располагают...

«Точно с ума схожу», — Вэнь Ле тряхнул головой, отгоняя нелепые подозрения. Судя по рассказам Сяо Жана, он в отношениях всегда «актив», а Наньгун Хуэй, без сомнения, тоже. Двум «активам» делить нечего, никакой искры между ними быть не может.

Он снова набрал номер Наньгун Хуэя — телефон по-прежнему был выключен. Ну что за человек! Как он собирается работать с персоналом при таком отношении к связи? Двоюродный брат ведь подарил ему этот дорожный телефон «Тяньюй». Огромный экран в 2,8 дюйма, а вокруг — жуткая безвкусная подсветка, которая переливается всеми цветами радуги при каждом звонке... И при всём этом телефон вечно отключен. А если клиент захочет связаться?

Несколько однокурсников договорились провести презентацию вакансий, а Хуэй так и не дал

им ответа. Как перед людьми оправдываться? Когда уже Наньгун Хуэй наконец возьмётся за ум и займётся делом всерьёз?

Погружённый в эти невесёлые думы, Вэнь Ле поспешил домой. И, конечно, не избежал материнских упрёков:

— Совсем от рук отбился! Раньше в шесть уже дома был, а теперь раньше семи не заявляешься. Поздно ужинать вредно, пища не переварится, только лишняя нагрузка на печень! Мы тебя ждать не стали, уже поели. Вон, всё остыло. Хочешь — сам разогревай. Холодное для желудка — чистый яд!

На Вэнь Ле вдруг накатило небывалое раздражение.

— Мам! Ну хватит уже ворчать, а? В крайнем случае, я просто съеду и буду жить отдельно! — буркнул он.

Эти слова подействовали как капля воды, упавшая в раскалённое масло. Скандал вспыхнул мгновенно.

— Сяо Ле, ты что такое несёшь?! Совсем крылья выросли? Я ему слово — он мне десять! И это твоя благодарность? Я вкалываю на работе, каждое утро ни свет ни заря бегу на рынок за свежими продуктами, готовлю вам завтраки, вечером лечу домой сломя голову, чтобы накормить вас, чищу, мою, убираю за вами двумя, полы драю, стираю... А ты, неблагодарный, ещё и недоволен! Съехать он решил? Ну и куда ты съедешь, а?! Покажи-ка мне, куда ты собрался!

Отец выглянул из-за газеты, явно разозлённый тем, что его покой нарушили:

— Сяо Ле, ты что за чушь порешь? Думаешь, матери легко? Вместо того чтобы сыновний долг исполнять, ты ей дерзишь и до слёз доводишь? Хочешь съезжать — валяй! Знали бы, что таким вырастешь, вообще бы тебя не рожали!

Вэнь Ле пробормотал ещё тише, едва шевеля губами:

— А вы со мной посоветовались, прежде чем решать — рожать меня или нет?

Появление на свет гея — чьё это несчастье? Родителей или его собственное? А может, всей семьи сразу?

Мать в ярости хлопнула ладонью по столу:

— Да что ты такое городишь?! А?! Всё, забудь про ужин! Пусть этот бунтарь голодным сидит!

— И не больно-то хотелось! — огрызнулся Вэнь Ле, развернулся и ушёл в свою комнату, с грохотом захлопнув дверь.

Отец в бешенстве ворвался следом:

— Ты это кому лицо кривишь?! Хлопает он дверью! Ты хоть знаешь, сколько эта дверь стоит? Ты вообще студент или кто? Тебе людей учить, а ты как с родителями разговариваешь? А ну живо марш извиняться перед матерью! И чтобы всё съел!

Вэнь Ле уже и сам начал жалеть о содеянном. Ситуация выходила из-под контроля, и это его пугало. Всегда спокойный отец вдруг сорвался на крик, а деятельная, хоть и ворчливая мать была доведена до того, что у неё мелко дрожали губы.

Вэнь Ле было невыносимо горько. Что же с ним происходит?

<http://bllate.org/book/18179/1758003>